

В тронном зале воцарилась тишина, но мгновение спустя она взорвалась гулом голосов, подобным морскому прибору. Даже грозный авторитет Люе Чанцю не смог утихомирить вельмож, которые, едва услышав имя Офи, принялись шептаться и бросать на неё красноречивые взгляды.

Офилия Спед — наследница законной императорской крови. Дочь покойной императрицы Наталии Спед, которую в своё время называли той, что рассекает мечом границы жизни и смерти, и которая, будучи смертной, почти достигла уровня бога меча. С самого рождения её нарекли Офилией, что означало «помощница». Если говорить о Рыцарях Розы с самой чистой кровью, то никто не мог сравниться с этой старшей принцессой.

Взгляд Люе Чанцю на мгновение стал острым, как ядовитые клыки змеи. Она с ненавистью окинула Офилию взглядом, словно желая содрать с неё кожу, а затем перевела его на Цин Гэ. Но та лишь прикрылась высоким воротником своего наряда:

— О, юная госпожа клана Цин, как же так вышло, что я не слышала... что этот мечник связан с нашей императорской семьёй?

— Моя Офи погибла много лет назад. — Люе Чанцю приняла у служанки белоснежный платочек и, заливаясь горячими слезами, прикрыла им пол-лица. — Бедная моя девочка Офи, с малых лет она была такой озорной, а в семь лет, не послушавшись, убежала за пределы императорского города. Когда её вернули, она была уже мертва... О, моя бедная маленькая Офи!

Цин Гэ с каменным лицом наблюдала за тем, как императрица разыгрывает целый спектакль, оплакивая свою «послушную и милую» Офи. Затем она бросила взгляд на Офилию, стоящую в стороне с едва заметной холодной усмешкой, и приготовилась посмотреть, как та выкрутится.

— Матушка! — Офилия сделала шаг вперёд, опустилась на колени на нефритовые ступени и, подняв голову, посмотрела на Люе Чанцю, у которой покраснели лишь веки. Девушка разрыдалась: — Спустя столько лет скитаний и невзгод Офилия вернулась. Пусть я измождена и мой облик померк, но стоило мне подумать о том, что матушка день и ночь тоскует по мне, как я, не жалея сил, поспешила домой... Неужели матушка меня не узнаёт?

Цин Гэ мысленно поаплодировала. Отличный ход! И сыграно великолепно!

Теперь у Люе Чанцю было два пути: либо признать, что её падчерица не погибла семь лет назад, либо принять обвинение в том, что она бессердечная мать, не любящая свою покойную дочь. А ведь всем было известно, как сильно Люе Чанцю дорожит своей репутацией!

— Матушка, много лет назад Офи едва не погибла от рук злодеев, но, к счастью, нашлись добрые люди, которые помогли мне спастись. Сегодня, вернувшись домой, я... несказанно счастлива и взволнована!

Прекрасно. Офилия сама дала ей путь к отступлению, сохранив лицо обеим сторонам. С такими явными чертами чистокровного османца — серебряными волосами и фиолетовыми глазами — продолжать отрицать её личность значило бы бросить вызов здравому смыслу. Цин Гэ почувствовала, как тяжёлый и ядовитый взгляд императрицы переместился с неё, и, облегчённо вздохнув, поправила длинные рукава, опустив воротник.

— Ах, моя маленькая Офи, ты столько натерпелась... — На платочке Люе Чанцю наконец появились влажные пятна, хотя Цин Гэ была уверена, что это скорее от злости. — Где же ты была все эти годы? Почему не подала весточку?

Офилия зарыдала ещё искреннее, казалось, она вот-вот упадёт в обморок:

— Матушка! Матушка! Не то чтобы Офи не хотела вернуться, просто до меня дошли слухи, что вы уже прочите Сюзан в наследницы, и я решила, что буду охранять рубежи нашей империи, чтобы хоть как-то облегчить заботы моей младшей сестры!

Лицо Люе Чанцю почернело, как и лица половины вельмож в зале. И лишь глаза Цин Гэ, облачённой в длинные одежды, начали сиять, словно густой лес после дождя — завораживающий, глубокий цвет.

— Как ты могла такое подумать? — Люе Чанцю с трудом процедила эти слова сквозь зубы, балансируя на грани срыва, словно вулкан перед извержением. — Ты всё не так поняла. Древние уставы нельзя нарушать, у дома Спед ещё нет наследника!

— Значит, матушка всё же любит меня! — Офилия, видя, что пора остановиться, сменила гнев на милость, и в её фиалковых глазах отразилась нежность. — Матушка, мне не нужны награды, это мой долг!

— Конечно, тебе не нужны награды! — пронеслось в головах почти всех присутствующих. — Только дурак бы их просил!

Вернувшись, Офилия сразу стала старшей принцессой, получающей жалованье первогоклассного дворянина, владеющей двенадцатью городами и обладающей всеми привилегиями знати. Это было куда выгоднее, чем просто получить какой-то клочок земли.

Для истинного аристократа важны не столько деньги, сколько то, какой именно город ему пожаловали. Цин Гэ, как официально признанный герой, получила не только триста акров плодородной земли, но и, что важнее, город, где сосредоточена вторая по значимости сила клана Цин — Лиду! Иными словами, теперь это была её вотчина. Она могла творить там что угодно, строить поместья, повышать налоги и даже набирать частную армию — всё это было законно!

Передача Лиду Цин Гэ была решением, которое Люе Чанцю приняла, стиснув зубы и пересилив себя. Во-первых, Лиду — город, где любят роскошь, и хотя экономика там

процветает, воинов из него выходит мало, не говоря уже о магах. Даже если Цин Гэ захочет собрать армию, ей придётся потратить немало сил.

Во-вторых, это было исконное владение клана Цин, который давно отделился от императрицы, так что лучше было отдать город их юной госпоже в качестве жеста доброй воли, чтобы Люе Чанцю могла потом потребовать ответной любезности от Люе Цинлань и Дуи.

Люе Чанцю всё тщательно просчитала, но забыла об одном: перед ней никогда не была послушная пешка, а была сама Цин Гэ, наследница рода, который по праву считается королями без короны!

— Ваше Величество, Цин Гэ недостойна! — В тот момент, когда чиновница закончила зачитывать указ о награждении и по долгу службы произнесла: «Если вы чисты сердцем и верны стране, то заслуживаете этой чести», Цин Гэ с громким стуком опустилась на колени и, подняв длинные рукава, зарыдала: — Цин Гэ виновата, я не заслуживаю награды!

Вельможи уже оцепенели. Они смотрели в потолок, думая, что это самая странная церемония награждения за долгие годы.

— И в чём же ваша вина, юная госпожа? — спросила Люе Чанцю с деланной добротой, хотя подёргивающийся мускул на щеке выдавал её истинные чувства. — Расскажите нам.

— Я была недостаточно искусна и не смогла вернуть мага Голина живым! — Цин Гэ сжала левую руку в кулак и с силой ударила по полу. В её голосе звучала такая боль и горечь, что невозможно было не поверить. — Я виновата! Не смею принять награду! Прошу лишь позволить мне войти в Тайное хранилище императорских книг. Когда я наберусь знаний, то вернусь, чтобы сокрушить Як и прославить мощь нашей страны!

— Юная госпожа столь предана и благородна, это достойно восхищения! — выступил вперёд один из цензоров, который никогда не обращал внимания на настроение императрицы. — Прошу Ваше Величество удовлетворить её просьбу!

Кайсар наконец подал признаки жизни. Он посмотрел на Цин Гэ, которая лежала на полу, излучая скорбь, и, словно видя сквозь роскошные одежды её бесстрастное лицо, медленно произнёс:

— Юная госпожа Цин Гэ столь преданна, прошу Ваше Величество разрешить.

Кайсар заговорил! Кайсар Оро высказал своё мнение! В зале один за другим начали раздаваться голоса поддержки — все просили императрицу позволить Цин Гэ войти в хранилище, чтобы она могла повысить своё мастерство и смыть нынешний позор.

Однако те, кто слышал слухи о Цин Гэ или был в хороших отношениях с магами, которых она

когда-то уволила, поняли, что их методы воспитания детей с методами Люе Цинлань и рядом не стояли.

Юная госпожа клана Цин недостаточно искусна? Смешно!

Как она может быть неумелой? Это самый молодой маг четвёртого ранга в империи, достигший этого уровня с рекордной скоростью. С самого рождения она была полностью признана Первоистоком, мастерски владела мечом, магией и алхимией — настоящий ребёнок из разряда тех, что всегда лучше всех!

А затем, благодаря настойчивым усилиям учителей и «свободному выпасу» Люе Цинлань, у Цин Гэ сформировался характер, основанный на «абсолютной правильности» и «абсолютной объективности». Учителя надеялись вырастить справедливого и нежного ребёнка, но, к их ужасу, оказалось, что...

Ценности сформировались, справедливость и объективность на месте, но где же нежность и доброта?

Люе Цинлань лишь развела руками, заметив, что в семье Цин нет собак, так что вину за «съеденную доброту» она на себя не возьмёт.

Впрочем, вернёмся к делу. Верить в то, что юная госпожа Цин Гэ «недостаточно искусна», — это всё равно что верить в восход солнца на юге.

Но Люе Чанцю поверила. Или, вернее сказать, лучше позволить этой девчонке изучать старые свитки предков, которые всё равно никто не читает, чем отдавать процветающий Лиду под управление ребёнка.

— Я разрешаю. — Императрица дёрнула за шнурок колокольчика, и служанка поспешно подошла, приняла из её рук нефритовую табличку и на красном подносе поднесла её Цин Гэ. — Читай прилежно, не разочаруй предков.

На вечернем торжественном банкете юная госпожа, которая должна была стать центром внимания, отсутствовала. Это было крайне невежливо, но благодаря усилиям Офилии и Кайсара всё выглядело вполне разумно:

— О, юная госпожа Цин Гэ? Она слишком усердна. По мне, так нужно быть мягче, чтобы дольше прожить. Вот, переутомилась и теперь отдыхает. — Кайсар, вернувшись к своему обычному образу светского льва, улыбался.

— Рана несерьёзная, скоро поправится. Вы только не говорите, что это я и Кайсар вам сказали,

Цин Гэ так печётся о своей репутации! — добавила принцесса Офилия, только что вернувшаяся в столицу после десяти лет скитаний.

Благодаря их уловкам образ Цин Гэ, всегда острый, как лезвие, наконец смягчился. Люди начали задумываться: действительно ли история со Звёздным морем была полностью спланирована этой маленькой девочкой? Даже если у неё нет сердца, она ведь человек, она тоже может устать. К тому же, судя по описаниям, она не похожа на хладнокровного зверя, лишённого чувств.

Пока другие обсуждали её, Цин Гэ уютно устроилась в своей комнате, наблюдая, как Хуа Сэ суетится вокруг неё, печёт сладости. Она то указывала добавлять больше сахара, то требовала убрать крем.

Хуа Сэ, глядя на сияющее лицо Цин Гэ, моргнула, отложила кондитерский шприц и присела на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с девушкой, развалившейся в кресле. Она пристально посмотрела ей в глаза и тихо произнесла:

— Юная госпожа, вам не нужно притворяться передо мной... Я знаю ваш истинный характер, не мучайте себя.

Цин Гэ медленно стёрла с лица улыбку, нахмурила брови и лишь спустя долгое время выпрямилась и тяжело вздохнула:

— Я... Ох, что я тебе говорю? Ты всё равно не поймёшь. Иди, делай свои сладости.

Цин Гэ не была хладнокровной, и сердце у неё было, но её характер — неумение выражать чувства и привычка ранить словами — был настоящим. Это была проблема, которую учителя и Люе Цинлань не смогли исправить годами. Долгое время ей внушали, что она должна быть «выше других», и это превратило её в человека с невыносимым характером.

Высокомерная, гордая, чувствительная, вспыльчивая, она не терпела критики и всегда стремилась доминировать.

Но эти черты могли быть у кого угодно, только не у любимицы народа, юной госпожи клана Цин, которая должна быть «выше всех», оставаясь при этом «простой и доступной».

Поэтому перед посторонними она всегда была «серьёзной, но не лишённой нежности, достойной, но не слишком чопорной». А с близкими, вроде Офилии или Хуа Сэ, она надевала маску «капризной, но милой и надёжной».

В конечном итоге, она боялась отпугнуть тех, кто искренне к ней относился. Поэтому даже в таком нейтральном месте она уставала больше всех.

Но она терпела, потому что именно такая версия себя была самой популярной и любимой.

Пока сегодня вечером Хуа Сэ не разрушила эту стену.

Черноволосая девушка опустилась на колени, и в её вечно сонных глазах заблестели слёзы. Она дрожащим голосом воскликнула:

— Цин Гэ!

— Цин Гэ, скажи мне правду!

— Я не спрашиваю о делах клана, о Первоистоке, о ваших интригах и борьбе за власть!

— Я спрашиваю тебя: ты устала? Ты очень устала, да?!

Цин Гэ вздрогнула и отпрянула назад, но Хуа Сэ не отступила, схватила её за руки, и в движении рукава задрались, обнажая шрамы на её руках. Цин Гэ замерла, ослабила хватку, и Хуа Сэ притянула её к себе:

— Посмотри мне в глаза и скажи правду!

Цин Гэ уже хотела было привычно отшутиться, но вспомнила, что Хуа Сэ — алхимик 5-го ранга, пусть и не признанная Первоистоком, но способная определять ложь по глазам. Сама Цин Гэ могла бы использовать заклинание, чтобы скрыть правду, но верность «абсолютной справедливости» не позволяла ей этого сделать. Она могла уходить от темы, но если Хуа Сэ будет настаивать...

Перед пристальным взглядом Хуа Сэ она могла сказать только правду.

— Юная госпожа, это ваше задание за прошлый месяц... — Старшая горничная постучала и вошла в комнату. — Посмотрите... — Её слова сменились яростным рыком, когда она увидела их позу: — Хуа Сэ, паршивка, что ты творишь?!

Хуа Сэ и Цин Гэ в один голос ответили:

— Ничего!

Они переглянулись, Хуа Сэ показала язык и спряталась за спину Цин Гэ. Цин Гэ, выдержав полный боли взгляд горничной, словно та увидела, как хорошую капусту испортил гнилой лист, с трудом выдавила:

— Оставь это там.

Горничная вышла из комнаты, словно её душа покинула тело. Цин Гэ и Хуа Сэ переглянулись и рассмеялись, но смех Цин Гэ постепенно стих, она вернулась к своему холодному виду и неуклюже потрепала Хуа Сэ по волосам:

— Ах, какая же ты хитрая и глупая девчонка... Что мне с тобой делать?

Хуа Сэ быстро ответила:

— Тогда позвольте мне остаться с вами навсегда!

Цин Гэ запнулась:

— О чём ты думаешь, глупышка? Ты что, всю жизнь будешь служанкой? Это унижительно... Не знаю, по каким критериям Первоисток выбирает людей, но это так утомительно. — Она вытащила одну из пергаментных бумаг и вдруг замерла.

Это было задание, которое маг Голин дал ей на первом и последнем уроке. Его замечания были на полях.

Пергамент в одно мгновение стал тяжёлым, как гора. Пусть у неё было тысячи учителей, пусть она не была близка с этим стариком, но, глядя на эту бумагу, на то, что от живого человека остались лишь эти строки...

— Хуа Сэ. — Цин Гэ сжала руку девушки и глубоко вздохнула: — Хуа Сэ, мне правда... правда очень больно.

— Цин Гэ... не грусти так сильно. — Хуа Сэ села рядом и прислонилась лбом к прохладной руке Цин Гэ. — Я всегда, всегда буду с тобой.

Цин Гэ посмотрела в глаза Хуа Сэ, отвела взгляд, кивнула и ничего не сказала. Она взяла перо и на другом листе что-то быстро написала, затем указала пальцем, и бумага, превратившись в бумажного журавлика, выпорхнула в окно.

Цин Гэ повернулась к Хуа Сэ и слегка, едва заметно улыбнулась:

— Дорогая Хуа Сэ, печенье подгорело...

— А-а-а-а-а!

На следующий день, вернувшись в академию, Цин Гэ была ошеломлена новостью:

— Люе Хунъин стал приближённым императрицы?! — Цин Гэ пошатнулась и, глядя на Сюзан, которая принесла эту весть, переспросила: — Дорогая Сюзан, скажи мне, что я ослышалась!

— Вы не ослышались. — Сюзан с кривой улыбкой повторила: — Люе Хунъин стал приближённым императрицы, и она сама назвала его «прекрасным лицом с твёрдым духом и манерами знатного рода»...

— Манерами, ага! — Цин Гэ взорвалась: — Приближённый императрицы! Звучит красиво! Хунъину всего шестнадцать, он старше меня всего на год! — Она показала пальцами крошечное расстояние: — Старше всего на чуть-чуть! И императрица на такое способна?!

Сюзан лишь горько усмехнулась. Она давно знала характер своей матери. Приближённый — это лишь красивое слово для фаворита. Если они угодят Люе Чанцю, та отсыплет им немного власти, чтобы её юные любовники могли тешить своё самолюбие.

— Юная госпожа, что тут сказать... такие вещи происходят только тогда, когда одна сторона хочет, а другая позволяет. Какой смысл злиться?

Цин Гэ остановилась. Хуа Сэ, шедшая следом, чуть не врезалась в неё. Она поддержала девушку, подняла голову и посмотрела на Сюзан так, словно видела её впервые:

— Неужели такие вещи нельзя провернуть, если одна сторона принуждает другую? Я видела только того, кто хочет, но никогда не видела того, кто добровольно «позволяет». Добровольно Хунъин на это пошёл или вынужденно — я должна увидеть сама и услышать своими ушами, чтобы понять правду!

<http://bllate.org/book/19150/1880636>